АНАЛИЗ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОММУНИКАТИВНОЙ ТЕОРИИ ВЛАСТИ МАНУЭЛЯ КАСТЕЛЬСА

С.Н. Федорченко

Московский государственный областной университет, Москва, Россия

Аннотация. Исследование специфики постсоветских стран через инструментарий коммуникативной теории власти Мануэля Кастельса – является целью данной статьи. В качестве рабочей методологии используются принципы сравнительной политологической компаративистики, ориентированные на анализ однопорядковых политических институтов, процессов и феноменов. Автор в своем анализе постсоветских стран учитывает следующие тезисы коммуникативной теории власти: человеческим сознанием возможно манипулировать, учитывая его зависимость от политических метафор, нарративов и фреймов; властные отношения характеризуются динамикой между властью и контрвластью в коммуникационной среде; современные политические субъекты – государства, политики, партии, движения (от умеренных до экстремистских) в процессе борьбы за власть вынуждены заменять традиционные формы взаимоотношения с политическими объектами на сетевые. При этом в статье подчеркивается, что подобные политические технологии, практикуемые разными интересантами, в конце концов закольцовываются на условия сетевого развития страны. В ходе исследования автор приходит к выводу, что постсоветские государства не только используют прямую политическую цензуру в Интернете, но и переходят к парадигме формирования лояльных политизированных сетевых сообществ, способствующих активной легитимации существующих политических режимов.

Ключевые слова: политические технологии, политические коммуникации, постсоветские страны, Интернет, власть, государство, социальные сети, сетевые сообщества, Мануэль Кастельс.

Коммуникативная теория власти

Крупным прорывом для современной социологии и политической науки стали работы испанского ученого Мануэля Кастельса, удачно совмещающего амплуа теоретика в области информационного общества, урбанистики, политической коммуникации с праксисом эмпирических замеров. Постоянно обращаясь к специфике информационного мира, исследователь выявляет его важнейшие процессы и тренды, оказывающие фундаментальное значение на социум через технологический прогресс.

Ключевое утверждение Кастельса заключается в том, что властные отношения характеризуются динамикой между властью и контрвластью, иными словами – между воспроизводством власти, закрепленной в институтах, и теми вызовами, которые предъявляют данной власти социальные акторы, недовольные игнорированием их интересов и ценностей в деятельности этих институтов. Судьба власти и контрвласти зависит от результата баталии за умы людей в пространстве мультимодальных коммуникационных сетей. Если за властью, как правило, стоят определенные институты, то контрвласть питается ростом социальных движений, критикующих работу данных институтов [Кастельс 2017: 35]. Исследователь признает реляционный признак власти, считая, что власть – не атрибут, а именно отношение. С другой стороны, он выделяет у власти признак асимметричности, допуская, что во властных отношениях один из акторов оказывает большее влияние, чем другие. Добавив социально-экономическую базу к политической и культурной надстройке, мы можем получить известную марксистскую модель, однако Кастельса больше интересует именно коммуникационная сфера, чем фактор производительных сил и частная собственность на средства производства. Хотя значение последних он не отвергает. Например, он обращает внимание на то, что чем больше институты демократизируются через интернет-коммуникации, тем дальше отдаляется элита от общества [Кастельс 2000: 386-387].

Идеи Кастельса определенным образом пересекаются с теорией гегемонии

неомарксиста Антонио Грамши, который в своих «Тюремных тетрадях» выдвинул тезис о том, что власть определенного класса над другим основывается не только на экономическом и силовом доминировании, но и на гегемонии в интеллектуальной области посредством опоры на интеллигенцию. Органическая интеллигенция при этом полностью создается – обучается, воспитывается господствующим классом и обслуживает его политические интересы, в том числе посредством пропагандистской работы. Традиционная же интеллигенция является носителем исторической памяти, сознания [Грамши 1959: 149-150, 458].

Кроме того, коммуникативная теория власти Кастельса впитала довольно разные идеи: Мишеля Фуко о властном дискурсе (который, как и «правила игры» в обществе, создает особые «дисциплинарные институты») [Фуко 1999: 145-147], Юргена Хабермаса о легитимации (опирающейся на согласие воль, формирующееся в процессе обсуждаемого, конструируемого общего смысла, разделяемого властью и населением, например утверждения «мечты о построении коммунистического общества», «веры в представительную демократию» и т.п.) [Habermas 1996: 359-361], Толкотта Парсонса об отличии транзитивной власти («власть над») от интранзитивной власти («власть для») [Parsons 1963], предполагающей, что акторы имеют возможность осуществлять свою *власть над* другими социальными акторами, чтобы получить *власть для* достижения собственных целей. По этой причине Кастельс выдвигает многомерный подход к анализу формирования власти в обществе: «насилие, угроза обращения к нему, дисциплинарные дискурсы, угроза введения дисциплины, институционализация властных отношений как воспроизводство доминирования и процесс легитимации, посредством которого ценности и правила принимаются субъектами референции, - все является взаимодействующими элементами в процессе производства и воспроизводства властных отношений в социальных практиках и организационных формах» [Кастельс 2017: 58]. Исследователь пишет, что современная власть распределена по всему пространству человеческого действия, а не локализована в одном конкретном институте или социальной сфере. Власть реляционна, тогда как доминирование институционально.

Также у Кастельса есть несколько дополнительных рабочих гипотез. По его предположению, наиболее фундаментальной формой власти выступает способность формировать человеческое сознание. Согласно другому его тезису, чем больше автономии появляется у пользователей с помощью коммуникационных технологий, тем больше шансов, что новые интересы и новые ценности станут появляться в сегменте так называемой массовой самокоммуникации, тем самым достигая массового сознания. Под *массовой самокоммуникацией* социолог называет новые формы сетевой коммуникации, увеличивающие возможности социальных трансформаций. При этом, согласно еще одной его гипотезе, историческое превосходство вертикальных (иерархических) организаций, структур над горизонтальными сетями определяли базовые материальные ограничения, обусловленные недостаточно развитыми технологиями. Иными словами, пока не возникли электронные коммуникации, иерархия господствовала в природе власти.

Социолог отмечает, что сеть – это совокупность взаимосвязанных узлов. Значимость узла проистекает не из его каких-либо качеств, а из его способности внести вклад в эффективность сети. Таким образом единством становится сеть, а не узел. Культура такого глобального сетевого общества означает, согласно Кастельсу, культуру протоколов коммуникации, обеспечивающей коммуникацию между различными культурами на основе разделения ценностей доступной коммуникации. Протоколы коммуникации означают устойчивые и распространенные практики и поддерживающие их соответствующие платформы (метафоры, реклама, язык медиа, брендинг, сетевой дигитальный гипертекст). При этом сети постоянно склонны перестраиваться и образовывать коммуникационные потоки, подразумевающие движение информации (например, политической) между узлами. Концентрация сетей происходит вокруг

преобладающих сетей – хабов через эффект синергии (например, крупные медийные конгломераты, агентства, блогеры). Сеть обходит и исключает из свей структуры тех людей, территории, которые представляют незначительную для нее ценность. К тому же сети и их узлы объединяются в особое пространство потоков, предоставляющего технологическую и организационную возможность одновременности взаимодействия различных сфер – политической, финансовой, культурной без прямого тесного пересечения. Пространство потоков растворяет время, формирует «мгновенное время», фактически нарушая привычную последовательность событий, в том числе и политических.

Терминологический аппарат Кастельса довольно разнообразен и адаптивен к анализу современных постсоветских политических процессов. К примеру, социолог разделяет сетевую власть, власть сети, власть в сети и сетесозидающую власть. *Сетевая власть*, согласно его позиции, основана на бинарной сетевой логике и принципе включения/исключения актора в пространство сети. Что, безусловно, перекликается с теорией сетевого гейткипинга [Barzilai-Nahon 2008: 1493-1512], подчеркивающей роль сетей в контроле информационных потоков. Тогда как власть сети предполагает власть стандартов самой сети над ее компонентами, установление правил включения в структуру сети (например, роль «Вашингтонского консенсуса» как операционного принципа глобальной рыночной экономики, правила вхождения в ВТО). Власть в сети означает специфику политического субъекта и его характер действий в сети. Сетесозидающая власть, по мнению Кастельса, это способность конструировать сеть (или сети) и программировать/перепрограммировать работу сети (сетей) для достижения перед сетью целей, способность соединять и организовывать коммуникацию разнообразных сетей на базе единых целей и концентрирования общих ресурсов, одновременно преодолевая конкуренцию с остальными сетями посредством стратегического взаимодействия [Кастельс 2017: 88-91]. Тех, кто обладает способностью создавать и программировать сети, Кастельс называет программистами, а тех, кто обеспечивает взаимодействие разных сетей, - переключателями.

Важным элементом коммуникативной теории власти Кастельса является возникновение так называемого сетевого государства, характеризующегося подвижностью управленческих практик, процедур, широким разнообразием пространственно-временных отношений между правительством и гражданами по сравнению с предшествующей формой национального государства, а также разделением суверенитета и ответственности между различными странами на различных политических уровнях. Автор прямо говорит, что государство и идеологические аппараты изначально были матрицей медиа больше, чем рынок – в большинстве стран режим регулирования информационных потоков организован через комбинацию государственной собственности и выдачу государственных лицензий бизнес-группам, соглашающимся следовать правилам, ограничивающих их влияние как независимых медийных акторов [Кастельс 2017: 162].

Дополнительные штрихи к этой картине наносит концепция медиатизации политики, по которой в современную политическую жизнь активно вторгаются массмедиа. Политик, не соответствующий правилам медиалогики – телегеничности, узнаваемой имиджевой концепции, запросам целевых аудиторий, вряд ли обретет необходимую поддержку электората. Вместе с тем, медиатизация политики способствует снижению уровня дискуссии, трате времени и ресурсов на псевдополитизированные темы, не являющиеся приоритетными для страны и ее регионов, возрастанию популистских решений [Быков 2017: 15-38]. Привносимые элементы шоу-бизнеса заменяют политическое просвещение, гражданскую ответственность на эмоциональное освещение внутриполитических и международных новостей, скандализацию событий. В итоге государство через союзные массмедиа получает уникальную возможность распылять внимание граждан либо перенаправлять на те проблемы, обсуждение которых не опасно для уровня легитимности существующей власти. Государство

становится все более активным игроком сетевой Ойкумены, не только посредством типичной политической цензуры, но и управлением собственными интернет-сегментами [Володенков 2017: 79-100].

Распространенным способом подчинения медийного бизнеса государству выступает распределение лицензии между бизнес-партнерствами, связанными с совершенно разными политическими ориентациями. Тем самым осуществляется информационное влияние на граждан, если же последних данная ситуация не устраивает, формируются социальные, оппозиционные движения. Политические субъекты ведут постоянное соперничество друг с другом за умы масс, пользуясь самыми различными протоколами коммуникации. Кастельс отмечает, что важнейшими протоколами коммуникации выступают так называемые *метафоры*, необходимые для объединения языка и схем в мозгу человека. Посредством метафор конструируются нарративы, которые, в свою очередь, состоят фреймов – нейронных сетей ассоциаций человека. На основе этих фреймов возникают основные социальные роли в той или иной стране. Кастельс больше подходит к решению проблемы власти/контрвласти с точки зрения психологического подхода, отмечая, что социальные перемены являются итогом коммуникативных действий, в ходе которых связи между сетями нейронных сетей человеческого мозга активируются сигналами из коммуникационной сферы, проходящими через сети коммуникации. По Кастельсу активация мозга человека через нейронные паттерны, индуцируемая так называемыми зеркальными нейронами, определяет механизм идентификации (или отрицания), эмпатии с нарративами в Интернете, телевидении, литературе, кино, как и с политическими нарративами кандидатов и партий.

Post-Soviet Space 2.0

Как же можно исследовать постсоветское пространство через коммуникативную теорию власти? Резюмируя тезисы теории Кастельса, важно подчеркнуть, что его модель исходит из несколько представлений:

- человеческим сознанием возможно манипулировать, учитывая его зависимость от политических метафор, нарративов и фреймов;

- властные отношения характеризуются динамикой между властью и контрвластью в коммуникационной среде;

- современные политические субъекты – государства, политики, партии, движения (от умеренных до экстремистских) в процессе борьбы за власть вынуждены заменять традиционные формы взаимоотношения с политическими объектами на сетевые. Но подобные политические технологии, практикуемые разными интересантами, в конце концов закольцовываются на условия сетевого развития.

Попробуем выявить уровень сетевого развития постсоветских стран, а также определить наиболее распространенные приемы воздействия их государств как важнейших политических субъектов на общественное сознание через сетевые коммуникации.

Есть несколько индексов, которые могут показать портрет сетевого развития стран постсоветского ареала. Так, Индекс развития информационно-коммуникационных технологий (ICT Development Index), рассчитываемый по методике Международного союза электросвязи при ООН, касается таких показателей как доступ к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ), использование ИКТ. На деле этот индикатор – комбинированный. По Индексу развития информационно-коммуникационных технологий от 2017 г. наиболее высокие показатели у Исландии (8.98), Южной Кореи (8.85) и Швейцарии (8.74 балла), среди постсоветских стран – у Эстонии (8.14), Белоруссии (7.55), Латвии (7.26), Литвы (7.19) и России (7.07 балла). Средние – в Казахстане (6.79), Молдавии (6.45), Азербайджане (6.20), Грузии (5.79), Армении (5.76) и Украине (5.62 балла). Наиболее низкие показатели в Узбекистане (4.90) и Киргизии (4.37 балла). Самые худшие показатели в таких странах как Чад

(1.27), Центрально-Африканская Республика (1.04) и Эритрея (0.96 балла)[1].

Индекс сетевой готовности (Networked Readiness Index) разрабатывается другой организацией – Всемирным экономическим форумом и международной школой бизнеса. Авторы индекса исходят из гипотезы, согласно которой в мире наличествует определенная корреляция между развитием ИКТ и экономическим благополучием. Сам индекс измеряет: существование условий для ИКТ (наличие технологической инфраструктуры, инновационного потенциала); готовность граждан, бизнеса и государства в использовании информационных технологий; общий уровень использования подобного рода коммуникаций и технологий. По этому индексу от 2016 г. наилучшими показателями среди постсоветских стран обладают Эстония (5.4), Литва (4.9), Латвия (4.8), Казахстан (4.6) и Россия (4.5 балла). Средние показатели у Азербайджана (4.3), Армении (4.3), Грузии (4.3), Украины (4.2) и Молдавии (4.0 балла). Хуже с сетевой готовностью в Киргизии (3.7) и Таджикистане (3.3)[2]. Как видно, оба рейтинга в целом отражают схожие показатели развития информационного общества в постсоветских странах.

II волна авторского проекта «Глобальное исследование политизации социальных сетей», проведенного в 2016 г., показала, что наиболее политизированные сетевые сообщества постсоветских стран находятся в таких социальных сетях как Facebook, ВКонтакте, Twitter, Одноклассники, YouTube и Instagram. Причем проявление феномена «сетевого государства» очевидно на примере того факта, что большинство политизированных сетевых сообществ постсоветских стран являются провластными (62%) [Лымарь, Федорченко, Рябинкин.2017: 50-77]. Постсоветские государства тем самым переходят от парадигмы прямой политической цензуры к парадигме формирования лояльных политизированных сетевых сообществ, способствующих активной легитимации существующих политических режимов.

Эстония, как постсоветская страна с наилучшими показателями уровня сетивизации, действительно впервые в мировой и европейской практике попробовала экспериментально внедрить модель сетевого государства через практику интернет-голосования. Данная процедура является дополнительной, а не обязательной [Кадлец 2015: 134-135]. Но здесь следует помнить, что территория Эстонии и других прибалтийских стран совершенно несопоставимы с территорией, к примеру, России или Казахстана, где требуется намного больше ресурсов для создания инфраструктуры, которая устранила бы цифровое неравенство путем обеспечения широкополосного, качественного и дешевого доступа населения к Интернету. Кроме того, сохраняются различия в избирательных правах самих жителей Эстонии, наблюдаются случаи подозрительной активности посредством предварительного голосования.

Нельзя забывать, что в эстонском обществе нет единого мнения по поводу истории страны, советской истории, политике современной России. С одной стороны, эстонское государство официально отвергает цензуру, однако оно использует приемы гибкой политической цензуры и манипуляции. Так, перед выборами в городских сетевых сообществах Facebook наблюдается активизация партийных модераторов, начинающих блокировать при помощи своей власти политические сообщения[3].

Посмотрим на ситуацию в России. Так называемое поколение Z, рожденное здесь в 1990 – 2000-х гг., намного больше использует социальные сети, чем предыдущее поколение. Социальные сети стали пространством для реализации разных форм социальной активности. Политизация дискурса

[1] IDI 2017 Rank. [Электронный ресурс]. URL: https://www.itu.int/net4/ITU-D/idi/2017/index.html (дата обращения: 15.01.2018).

[2] Networked Readiness Index. [Электронный ресурс]. URL: http://reports.weforum.org/global-information-technology-report-2016/networked-readiness-index/ (дата обращения: 15.01.2018).

[3] Середенко С. Выборы в Эстонии: цензура или административный ресурс? [Электронный ресурс]. URL: https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/03102017-vybory-v-estonii-tsenzura-ili-administrativnyy-resurs/ (дата обращения: 15.01.2018).

также коснулась российских сообществ социальных сетей. Причем, здесь встречается самые разные идеологические предпочтения – коммунистические, монархистские, анархистские, либеральные и др. Есть и сообщества, насыщенные откровенно экстремистским контентом, где превалируют фашистские либо радикально исламистские взгляды. Исследования показали, что благоприятная экстремистская среда, к примеру, появилась в сети «ВКонтакте» [Шиллер, Шелудков 2013: 124-129]. На этом фоне интересен механизм создания сетевых сообществ. Отечественные специалисты различают два способа конструирования сетевых сообществ в Интернете – органический и инструментальный. В первом варианте органически созданные сообщества вбирают в себя разнообразную палитру сообществ, признающих общие ценности объединившего их сообщества, но имеющих и ценности собственных локальных групп. В качестве примера органического сообщества М.Г. Бреслер приводит проект «Защитим Торатау», соединившего людей с различными взглядами против разработки горы Торатау. Тогда как во втором варианте у инструментального сообщества ценности едины, а иная точка зрения подавляется. Примером инструментального сообщества является движение «АнтиКроношпан», инициированное с целью дискредитации инвестиционной политики властей Башкирии [Бреслер 2017: 39-49].

В России, конечно, запрещена экстремистская пропаганда, как и во многих странах. Это правильная и адекватная мера, учитывая ту активность радикальных террористических группировок, которые занимаются мощнейшей пропагандой среди постсоветской молодежи через социальные сети, представляя реальную угрозу национальной безопасности нашей стране. Но о жесткой политической цензуре, «фильтрующей мнение каждого гражданина», говорить совершенно неверно. Тот же Мануэль Кастельс, комментируя ситуацию в России, пишет, что здесь больше действует не политическая цензура, а самоцензура журналистов, медийных менеджеров (в том числе имеющих собственные аккаунты в социальных сетях), при этом, по оценке Кастельса, не подвергается цензуре пользовательский контент Рунета, содержащий критику правительства [Кастельс 2017: 331].

Несмотря на то, что уровень сетевизации Грузии ниже, чем у Эстонии, Латвии, Литвы, России и Казахстана, по мнению доктора политологии Бека Чедии, здесь социальные сети также становятся артикуляторами политических интересов [Чедия 2011: 163-171]. Грузинские новые медиа сообщили мощный импульс распространению доступного политического контента ограниченных в тиражах традиционных медиа – газет и журналов. Также местные сетевые сообщества позволяют узнать об альтернативных оценках новостей, односторонне представленных телевидением. Между тем факты политической цензуры со стороны грузинского государства также имеют место. К примеру, во время августовской войны 2008 г. грузинское правительство в течении нескольких дней блокировало доступ к российским сайтам. Учитывая тот момент, что новостные сайты являются источником политической повестки в сообществах социальных сетей, данная мера стала существенной в контроле общественного мнения.

Проблема цифрового неравенства (неравного доступа граждан к коммуникационным возможностям новых медиа) остро сохраняется в Киргизии. Проникновение Интернета в повседневную жизнь жителей активно идет лишь в столице страны. Это определяется неравномерным экономическим развитием различных киргизских регионов, отдаленностью, труднодоступностью населенных пунктов, неплатежеспособностью пользователей в сельской местности и малых городах, недостаточным количеством IT-специалистов, проблемами с инфраструктурой и подачей электроэнергии, монополизмом в рынке интернет-провайдеров [Ермаков, Сатыбаев 2014: 88-96]. Вместе с тем, необходимо себе ясно представлять, что без ликвидации диспропорций в экономическом развитии регионов в стране, где не так давно произошли две «цветные революции», будет невозможно полноценно модернизировать хозяйственную и политическую систему. Широкопо-

лосный Интернет при сохранении социально-экономических противоречий населения лишь кристаллизует существующие проблемы и станет ареной для сплочения радикальных организаций. Либо произойдет переход государства к тотальной политической цензуре социальных сетей. Поэтому для начала нужно решить наиболее важные социально-экономические вопросы.

Подводя итоги, важно отметить, что научный аппарат коммуникативной теории власти Мануэля Кастельса дает хороший инструментарий для анализа современных политических процессов, происходящих в постсоветских странах. Здесь появился феномен не просто информационного, а сетевого общества. Это общество характеризуется сетевой властью, подразумевающей распространение сетевых сообществ Интернета с бинарной сетевой логикой и принципом включения/исключения актора в пространство сети на основе его принадлежности к определенным ценностям. В этих условиях властные отношения все больше характеризуются динамикой между властью и контрвластью в коммуникационной среде. Но постсоветские государства отчетливо понимают, как возможности, так и угрозы наступления эры Интернета. Поэтому сетевое общество начинает сосуществовать с сетевым государством. Важна и другая тенденция – постсоветские государства стараются формировать лояльные политизированные сетевые сообщества, способствующие активной легитимации существующих политических режимов. Вместе с тем, сравнительный анализ показал, что коммуникативная теория власти Кастельса лучше работает при учете не только психологических, но и социально-экономических условий развития постсоветских государств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бреслер М.Г.* Метод выявления инструментальных сетевых сообществ социальной сети политических коммуникаций //Журнал политических исследований. 2017. Т.1. №4. С. 39-49.

2. *Быков И.А.* Медиатизация политики в эпоху социальных медиа //Журнал политических исследований. 2017. Т.1. №4. С. 15-38.

3. *Володенков С.В.* Интернет как технологическое пространство современных политических коммуникаций: перспективы и сценарии развития //Журнал политических исследований. 2017. Т.1. №3. С. 79-100.

4. *Грамши А.* Избранные произведения. Тюремные тетради. М.: Изд. ин. литературы. 1959. Т. 3. 369 с.

5. *Ермаков А.А., Сатыбаев А.Д.* Обзор и анализ широкополосного интернет соединения в Кыргызстане //Проблемы автоматики и управления. 2014. № 1 (26). С. 88-96.

6. *Кадлец В.А.* Обзор применения интернет-голосования в Эстонии //Международный научно-исследовательский журнал. 2015. №7(38). С. 134-135.

7. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ВШЭ. 2000. 609 с.

8. *Кастельс М.* Власть коммуникации. М.: Изд. дом ВШЭ. 2017. 591 с.

9. *Лымарь Е.М., Федорченко С.Н., Рябинкин Г.Ю.* Политизация социальных сетей: сравнение двух волн проекта //Журнал политических исследований. 2017. Т.1. №4. С. 50-77.

10. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. 1999. 480 с.

11. *Чедия Б.* Новые медиа и трансформация публичной политической сферы Грузии //Центральная Азия и Кавказ. 2011. Т.14. Вып. 4. С. 163-171

12. *Шиллер В.В., Шелудков Н.Н.* Российские социальные сети как потенциальная угроза национальной безопасности России (на примере сайтов «Одноклассники» и «ВКонтакте») //Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 1 (53). С. 124-129.

13. *Barzilai-Nahon T.* Toward a Theory of Network Gatekeeping: A frame-work for Exploring Information Control //Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2008. Vol. 59. №9. P.1493-1512.

14. *Habermas J.* Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge (MA): MIT Press. 1996. 631 p.

15. *Parsons T.* On the Concept of Political Power //Proceeding of the American Philosophical Society. 1963. Vol. 107. №3. P. 232-262.

Сведения об авторе: Федорченко Сергей Николаевич – доцент, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета. (sn.fedorchenko@mgou.ru)**.**

ANALYSIS OF POST-SOVIET COUNTRIES THROUGH THE LENS OF COMMUNICATIVE THEORIES OF POWER MANUEL CASTELLS

S.N. Fedorchenko

Moscow State Region University
Moscow, Russia

Abstract. The study of the specifics of post-Soviet countries using the tools of communicative theories of power Manuel Castells - the purpose of this article. As a working methodology used the principles of comparative political science comparative research, based on analysis of comparable political institutions, processes and phenomena. The author in his analysis of post-Soviet countries takes into account the following points communicative theory of power: the human mind can be manipulated, given its dependence on political metaphors, narratives and frames; power relations are characterized by dynamics between the power and the counter-power in the communication environment; contemporary political actors – the state, politicians, parties, movements (from moderate to extremist) in the process of the struggle for power should replace traditional forms of relationship with political entities in the network. While the article emphasizes that such political technologies, practiced by different stakeholders, eventually focus on the conditions of network development. In the study the Author comes to the conclusion that the post-Soviet States are not only using direct political censorship on the Internet but moving to the paradigm of the formation of politicized loyal online communities that promote active legitimation of the existing political regimes.

Key words: political technologies, political communication, post-Soviet countries, Internet, power, state, social network, network community, Manuel Castells.

REFERENCES

1. *Bresler M.G.* Metod vyyavleniya instrumental'nykh setevykh soobshchestv sotsial'noy seti politicheskikh kommunikatsiy //Zhurnal politicheskikh issledovaniy. 2017. T.1. №4. S. 39-49.
2. *Bykov I.A.* Mediatizatsiya politiki v epokhu sotsial'nykh media //Zhurnal politicheskikh issledovaniy. 2017. T.1. №4. S. 15-38.
3. *Volodenkov S.V.* Internet kak tekhnologicheskoe prostranstvo sovremennykh politicheskikh kommunikatsiy: perspektivy i stsenarii razvitiya //Zhurnal politicheskikh issledovaniy. 2017. T.1. №3. S. 79-100.
4. *Gramshi A.* Izbrannye proizvedeniya. Tyuremnye tetradi. M.: Izd. in. literatury. 1959. T. 3. 369 s.
5. *Ermakov A.A., Satybaev A.D.* Obzor i analiz shirokopolosnogo internet soedineniya v Kyrgyzstane //Problemy avtomatiki i upravleniya. 2014. № 1 (26). S. 88-96.
6. *Kadlets V.A.* Obzor primeneniya internet-golosovaniya v Estonii //Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal. 2015. №7(38). S. 134-135.
7. *Kastel's M.* Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura. M.: VShE. 2000. 609 s.
8. *Kastel's M.* Vlast' kommunikatsii. M.: Izd. dom VShE. 2017. 591 s.
9. *Lymar' E.M., Fedorchenko S.N., Ryabinkin G.Yu.* Politizatsiya sotsial'nykh setey: sravnenie dvukh voln proekta //Zhurnal politicheskikh issledovaniy. 2017. T.1. №4. S. 50-77.
10. *Fuko M.* Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my. M. 1999. 480 s.
11. *Chediya B.* Novye media i transformatsiya publichnoy politicheskoy sfery Gruzii //Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. 2011. T.14. Vyp. 4. S. 163-171
12. *Shiller V.V., Sheludkov N.N.* Rossiyskie sotsial'nye seti kak potentsial'naya ugroza natsional'noy bezopasnosti Rossii (na primere saytov «Odnoklassniki» i «VKontakte») //Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 1 (53). S. 124-129.

13. *Barzilai-Nahon T.* Toward a Theory of Network Gatekeeping: A frame-work for Exploring Information Control //Journal of the American Society for Information Science and Technology. 2008. Vol. 59. №9. P.1493-1512.
14. *Habermas J.* Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge (MA): MIT Press. 1996. 631 p.
15. *Parsons T.* On the Concept of Political Power //Proceeding of the American Philosophical Society. 1963. Vol. 107. №3. P. 232-262.

About the author: Fedorchenko Sergey Nikolaevich – associate Professor, PhD in Political Sciences, associate Professor of Political Science and law Moscow State Region University (sn.fedorchenko@mgou.ru**).**